

Идеологическое обоснование терроризма в мире и на Северном Кавказе

Игорь Добаев

*Доктор политических наук, профессор Южного Федерального Университета
(г. Ростов-на-Дону)*

Важнейшей составляющей современного терроризма выступают идеологические доктрины радикальных исламистов, в соответствии с которыми выстраивается специфическая практика, включающая в себя и террористические акции смертников¹. Теоретически обосновано, что исламизм состоит, как минимум, из двух звеньев — умеренного и экстремистского². Оба крыла в качестве конечной цели определили построение т.н. «исламского государства», функционирующего на шариате. Однако между ними имеются и существенные отличия: умеренные идут к намеченной цели эволюционным, преимущественно мирным путем, делая ставку на осуществление т.н. «исламского призыва» (*даават*, в данном случае — информационно-пропагандистская работа среди населения), а их экстремистски настроенные единомышленники в своем псевдореволюционном порыве готовы к силовому захвату власти, для чего не исключают всех форм вооруженного насилия, включая применение террористических атак.

К экстремистскому крылу исламских радикалов относятся организации, группы, отдельные лидеры, которые в качестве основного метода достижения своих целей используют вооруженную борьбу, в том числе и террористическую деятельность. Ведение пропаганды для них является вспомогательным средством, в основном, для привлечения в свои ряды новых сторонников. Наиболее известными теоретиками этого крыла исламистов выступают Сайид Кутб, Абд ас-Салям Фарадж, Аббуд аз-Зумр, Тарик аз-Зумр, Айман аз-Завахири и др. Эти и другие теоретики радикального исламизма в своих работах опираются на труды авторитетных улемов мусульманского прошлого, среди них Ибн Ханбала, Ибн Таймийя, Ибн Кассир, Аль-Куртуби, ан-Навави, М. Ибн Абд аль-Ваххаб и др.

Ибн Ханбал и его последователи — Ибн Таймийя, Ибн Кассир, Аль-Куртуби, ан-Навави и др. — выступали за возвращение ислама к «золотому веку» — времени жизни и деятельности пророка Мухаммеда и четырех праведных (выборных) халифов (610-661 гг.), что совпадает с периодом жизни первых трех поколений мусульман. В тот период («золотой век») ислам был единым, не испытывав последовавших позже расколов на направления, толки, идейные течения, появле-

¹ См. об этом подробнее: Чудинов С.И. Терроризм смертников. — М.: Изд-во «Наука», 2010. — 312 с.

² См.: Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. — Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. — 416 с.

ния суфийских братств и т. д. В этой связи Ибн Ханбал, его единомышленники и последователи квалифицировали все изменения в исламе, произошедшие после завершения «золотого века», в качестве бида' (греховных нововведений), и требовали очищения ислама от них. Иными словами, их идеалом был «чистый» ислам, поэтому они настаивали на необходимости возвращения именно к этому фундаментальному идеалу мусульманства. В этой связи, правда, значительно позже, западные оппоненты стали именовать их «фундаменталистами». Сами же они мыслили себя в качестве «салафитов». Этот термин произошел от арабского словосочетания «ас-салаф ас-салихун» («праведные предки»), что по временным характеристикам совпадает с жизнью и деятельностью первых трех поколений мусульман, или жизнью и деятельностью пророка и «рашидун» (праведные халифы), или с «золотым веком» ислама. Сегодня термин «салафиты», равно как и «салафизм», прочно вошли в научный оборот не только на мусульманском Востоке, но и на Западе, а также и в России.

Следует отметить, что, появившись в VII веке, после нескольких столетий значительных успехов исламский мир замедлил движение и вступил в период продолжительного политического и культурного упадка, фиксируемого по настоящее время. Салафитская концепция основана на следующей оценке такого положения: ислам пришел к упадку, отклонившись от праведного пути. Сила же прежней и праведной уммы происходила от ее веры и соблюдения обрядов, ибо так было угодно Богу. Чтобы вернуть славу и величие «золотого века» следует возвратиться к истинной вере и традициям предшественников, особенно пророка Мухаммеда и его соратников. В этой связи салафиты отрицают традиции и практику современного мусульманского мира, которые привели исламскую умму к упадку.

Мощное воздействие на радикализацию современного исламского движения в различных уголках мусульманского мира оказало создание в XX веке в духе салафитского обновленчества исламистских политических партий. Хасан аль-Банна (1906-1949 гг.) в 1928 г. основал в Египте организацию «Аль-ихван аль-муслимун» («Братья мусульмане»), а Маулана Абу аль-Аля Маудуди (1903-1979 гг.) в 1941 г. в Индии — «Джамаат-и ислами» («Исламское общество»). Оба имели сходные убеждения, особенно в отношении объединения ислама как всеобъемлющего учения в жизни мусульманской уммы. Они отстаивали необходимость создания подлинно исламского государства посредством введения шариата, который они рассматривали не только в качестве закона, основанного на Коране, но и как образ жизни салафитов.

Декolonизация в середине XX в. дала надежду салафитам на создание истинно исламских государств. Однако новые мусульманские лидеры избрали путь имитационных реформ. Их идеи о секуляризме, общественном суверенитете, национализме, правах женщин и конституционализме привели к прямому конфликту

с салафитами, поднявшими вопрос об их легитимности как мусульманских лидеров, что создало взрывоопасную ситуацию. Ответом многих режимов стала непоследовательная политика, которая колебалась от компромиссов до репрессий¹.

В такой ситуации не могла не появиться новая плеяда теоретиков салафизма, занявшаяся разработкой современных идеологических доктрин радикальных исламистов. Среди них особенно выделяются египтяне — С.Кутб, М.Шукри, М.Фарадж, А. аз-Завахири и др. При этом, как верно отметил авторитетный отечественный исламовед А.А. Игнатенко, в идеологических доктринах исламистов основообразующими категориями выступают два особым образом интерпретируемые понятия — такфир (обвинение в «куфре», т.е. неверии) и джихад (священная война за веру)². В этой связи радикальных исламистов нередко называют такфиритами-джихадистами.

Понятие «такфир» базируется на выделении т.н. «врагов ислама», куда по мысли современных теоретиков-исламистов, входят, во-первых, все немусульмане («кафиры» — неверные), а, во-вторых, мусульмане, не разделяющие идеологических взглядов исламистов («муртадун» — отступники от ислама, а также «мунафикун» — лицемеры — т.е. те, кто верит неправильно или неискренне). Что касается концепции джихада, то она, в противовес мусульманской ортодоксии, стала квалифицироваться исключительно как война с «врагами ислама», причем радикальные исламисты допускают наступательный, инициативный характер этой борьбы.

Согласно мусульманской ортодоксии, джихад подразделяется на «большой» и «малый». Большой джихад — это ненасильственное стремление личности жить так, как подобает праведному мусульманину, следуя воле Бога. Он достигается приверженностью пяти столпам исламского вероучения: выражением ислама как веры (шахада), регулярными молитвами, постом во время месяца Рамадан, благотворительностью и совершением хаджа, паломничества в Мекку. Это требует дисциплины и усердия на протяжении всей жизни, постоянной напряженной работы по самоусовершенствованию. В противовес «большому», малый джихад — вооруженная борьба за ислам. Традиционная исламская юриспруденция определяла джихад в качестве обязанности мусульманина в мире, разделенном на «земли ислама» (дар аль-ислам) и «земли войны» (дар аль-харб). Мусульманское сообщество, умма, было обязано участвовать в джихаде, чтобы расширить «дар аль-ислам» по всему миру, дабы все человечество могло благополучно жить в пределах справедливого политического и общественного порядка. В интерпретации одной из школ мусульманского права подобная воинственность смягчалась введением понятия «земля мира» (дар ас-сульх), — это территории, где прожи-

¹ Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. — М.: Идея-Пресс, 2008. — С. 16.

² См. подробнее об этом: Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 2 (8).

вают немусульмане, которые заключили перемирие с «дар аль-ислам», а потому не являются объектом джихада.

В рамках «малого» джихада существовало также более глубокое различие между оборонительным и наступательным джихадом. Если неверные вторгаются в «дар аль-ислам» и угрожают существованию в нем ислама и его исповедованию, богословское заключение на основе мусульманского права (фетва) может объявить состояние джихада против неверных. Это означает личную обязанность для каждого мусульманина (фард аль-айн) участвовать в оборонительном джихаде либо за счет непосредственного участия в борьбе, либо посредством финансовой поддержки, благотворительности и молитвы. Напротив, наступательный джихад для нападения на земли неверных (дар аль-куфр), чтобы подчинить их шариату, строгим нормам на основе Корана, подразумевает коллективную обязанность (фард аль-кифайя), которая может быть исполнена и, обычно, исполняется правительствами мусульманских государств без личного участия в ней отдельно взятых мусульман¹.

Что касается теоретиков современного радикального исламизма, то они не только отрицают деление джихада на «большой» и «малый», но говорят только об одном джихаде — боевом, зачастую делая акцент исключительно на наступательной версии джихада.

С. Кутб — теоретик и идеолог египетской ассоциации «Братья-мусульмане» в 50-60-е гг. XX в. — написал целую серию работ, в которых им развивались различные аспекты идеологии «исламского возрождения». Концепция С.Кутба делила общество на два типа: исламское общество, в котором признается власть одного Аллаха и действует шариат, и общество джахилийи (доисламского язычества), в котором люди сами творят законы и нарушают главный принцип единобожия — единовластие Аллаха (хакимийя). Согласно такому выводу, языческими является большинство современных обществ, в том числе те, которые считают себя исламскими, но не живут по шариату. Отрицание хакимийи, по сути, означает вероотступничество, ввергающее в неверие. Ислам и джахилийя — это абсолютно несовместимые системы, между которыми невозможно какое-либо мирное сосуществование или постепенная трансформация джахилийи в ислам. Восстановить власть Аллаха на земле можно лишь после того, как силой будет уничтожена джахилийя, и участие в этой борьбе есть обязанность каждого мусульманина.

Однако еще в XVIII веке, за два столетия до С. Кутба, концепцию джахилийи актуализировал Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб (1703 — 1791), проповедник из Аравии, который осудил за развращенность распространенные народные верования и обычаи племен полуострова, утверждая, что они вернулись в состояние

¹ Сейджман М. Указ. соч. — С. 10-11.

джахилии, стали идолопоклонниками, а потому заслуживают смертную казнь за отступничество от ислама. Он проповедовал жесткую форму ислама, основанную на строгом толковании Корана, очищение ислама от позднейших наслоений. Основой его доктрины стал «таухид» (с арабского — «единство Бога»), осуждающий как идолопоклонничество любую возможность посредничества в общении с Богом. Заключение аль-Ваххабом союза с главой одного из аравийских племен Мухаммедом ибн Саудом стало прологом образования на территории Аравии нового государства, которое с 1932 г. именуется как Королевство Саудовская Аравия (КСА).

Ибн Абд аль-Ваххаб многие из своих толкований Корана обосновывал фетвами сирийского теолога Таки ад-Дина Ахмада ибн Таймийя (1263-1328 гг.), который жил в один из самых разрушительных периодов мусульманской истории, когда произошло завоевание исламских стран монголами, обращенными тогда же в ислам, но продолжавшими жить по «ясам» -монгольской правовой системе. В этой связи перед Ибн Таймийя был поставлен вопрос: законно ли мусульманам объявить джихад против других мусульман (монголов). Таймийя в своих знаменитых «Фетвах о татарах» отвечал, поскольку монголы продолжали придерживаться Ясы — норм права, установленных Чингисханом, а не шариата, то они не настоящие мусульмане, а вероотступники, которых, исходя из шариата, следует покарать смертной казнью. Вести джихад против них было правом, даже долгом мусульман¹.

В своих работах умеренный исламист, пакистанец Маудуди воскресил концепцию джахилии как абстрактного понятия для описания системы верований и идей в Индии. Однако в его трудах нет ни единого намека на то, что он намеревался использовать ее для оправдания вооруженного восстания. Что касается жесткого радикала С.Кутба, то он взял и положение ибн Таймийя о долге джихада против вероотступников и, вырвав из контекста, концепцию Маудуди о джахилии, по-новому соединил их, еще шире трактуя идеи М. Абд аль-Ваххаба. Объявляя существующие мусульманские общества джахилистскими, Сейид Кутб дает обоснование для отвержения и вооруженного выступления (джихад бис сайф) против номинально мусульманских режимов, избегая проблемы смуты (фитна). В его версии правоверные мусульмане воюют не против других мусульман, а против идолопоклонников. Вскоре после публикации самого яркого труда «Вехи на пути» египетское правительство Насера в очередной раз арестовало Кутба за подстрекательство к восстанию, и он был казнен в каирской тюрьме 29 августа 1966 г. Мученичество Кутба моментально придало его идеям достоверность².

¹ Sivan E. Radical Islam: Medieval Theology and Modern Politics. — New Haven, Conn.: Yale University Press, 1985. — P. 90-101.

² Сейджман М. Указ. соч. — С. 18, 22.

Большое влияние идеи Кутба оказали на Шукри Мустафу, который довел до логического максимума положения доктрины джахилии, основав в Египте секту «Джамаат аль-Муслимин» («Общество мусульман»), основным принципом которой стал инициативный изоляционизм его членов от порочного общества джахилии. Однако его группа стала объектом насмешек в прессе, которая изображала их сборищем фанатиков или преступников, помешанных на двуединой концепции отлучения и изгнания (ат-Такфир ва-ль Хиджра), именно под этим названием община М.Шукри и вошла в историю исламистского движения¹. В 1977 г. после преследований со стороны правящего режима Египта эта секта исчезла, но ее идеи не были забыты последующими поколениями радикальных исламистов.

Наиболее известным последователем С.Кутба был Мухаммед абд аль-Салам Фарадж (1954-1981 гг.), являвшийся главой каирского отделения «Танзим аль-джихад» («Организация джихада»), осуществившего в 1981 г. убийство президента Египта — Анвара Садата. Свои идеи Фарадж сформулировал в своей брошюре «Забытый долг» («Аль-фарида аль-гайба»). В ней он, в частности, пишет: «Установление исламского государства — это обязанность мусульман: то, без чего что-то необходимое не может быть выполнено, (само) становится необходимым. Если, кроме того, (подобное) государство не может быть основано без войны, тогда и война точно таким же образом оказывается необходимой... Законы, которыми управляют мусульмане сегодня, это законы Безверия, на самом деле они являются сводами законов, созданными неверными, которые затем подчинили им (законам) мусульман... После исчезновения халифата, очевидно, в 1924 г. и (потом) отказа от законов ислама в их целостности, и (затем) их подмены законами, введенными неверными, положение (мусульман) стало подобным тому, которое было у монголов»².

Фарадж подчеркивал, что ислам распространился мечом, доказывая, что джихад в исламе не был оборонительным. Для обоснования своей позиции он процитировал из Корана «стихи меча»: «А когда закончатся запретные месяцы, то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте» (Коран 9:5).

Фарадж также отрицал как опасное современное нововведение различие большого джихада (усилия по самоусовершенствованию мусульманина, борьба с собственными дурными наклонностями) и малого джихада (война против врага), потому что оно умаляет ценность борьбы посредством меча. Точно также, по его мнению, и отсутствие халифа не является оправданием для переноса джихада. Все это делало тем более необходимым организацию джихада ради возвращения

¹ Там же. — С. 36.

² Faraj M. Al-Faridah al Ghaibah, in Johannes Jansen, The Neglected Duty: The Creed of Sadat's Assassins and Islamic Resurgence in the Middle East. — New York: Macmillan, 1986. — P. 165-167.

мусульманским народам ислама. Цена отказа от джихада — это «низость, унижение, разделение и раздробленность, в которых мусульмане живут сегодня»¹.

Общая стратегия джихада у А.Фараджа определяется представлениями о «враге ближнем» (мусульмане, которые не разделяют идеологических воззрений и практику радикалов), «враге дальнем» (немусульманские противники радикалов, прежде всего, представители западно-христианской цивилизации) и о джихаде как об индивидуальной обязанности для каждого мусульманина (фард айн). По мнению А.Фараджа, джихад становится обязательным, в том числе, и в том случае, если правитель мусульманского государства отвергает руководство по шариату. Тогда такого правителя нужно свергнуть, и джихад становится индивидуальной обязанностью каждого мусульманина. На его ведение не нужно даже специального разрешения улемов, джихад становится такой же индивидуальной обязанностью, как пост и молитва².

Копии труда Фараджа были обнаружены в домах подозреваемых в заговоре в ходе волны арестов после убийства президента Садата. Сама работа была опубликована в Египте лишь после того, как египетское правительство потребовало от богословов исламского университета Аль Азхар опровергнуть его тезисы. Дебаты относительно обвинений в джахилии и такфире восходят к сути спора между традиционалистами и воинствующими салафитами о значении джихада и законности внутреннего вооруженного восстания (фитны), учитывая запрещение фитны. Сторонники вооруженного пути, подобно Фараджу, использовали выборочное цитирование Корана для обоснования своих выводов. Например, в своей трактовке «стихов меча» он цитировал лишь их первую часть. В Коране же имеется продолжение: «Если они обратились и выполняли молитву и давали очищение, то освободите им дорогу: ведь Аллах — прощающий, милосердный» (Коран, 9:5). Эта последняя часть опровергает обоснование убийства без разбора «врагов ислама», используемое сторонниками вооруженной борьбы.

Салафитский джихад, таким образом, — это мусульманское обновленческое движение, оправдывающее насильственное свержение местных мусульманских правительств как «ближнего врага» с целью установления исламистского государства.

Вместе с тем, не стоит забывать, что подобно другим священным книгам, Коран открыт для разных, порой противоположных друг другу интерпретаций. В нем содержатся призывы, как к любви, так и к ненависти и насилию, и было бы иллюзией пытаться однозначно толковать коранические тексты исключительно как проповедь мира. Тем более сегодня, когда целые исламские теологические школы и ведущие духовные авторитеты открыто проповедуют ненависть к «неверным»,

¹ Ibid. — P. 205.

² Ат-Тураби Х. Аль-Харака аль-исламия фи ас-Судан (Исламское движение в Судане). — б.м. — б.г. — С. 4-5.

отвергают право на существование других религий и благословляют терроризм. Используя отдельные положения из Корана и других священных книг ислама (как, например, призыв «убивайте их там, где найдете, и вытаскивайте их отовсюду, где бы они не прятались»), исламские теологи оправдывают захват чужих земель, подчинение и убийство немусульман. Современные мусульманские школы провозглашают «всемирный джихад» против «неверных» и демонстрируют особенное презрение к евреям, которых они называют не иначе, как «потомками свиней и обезьян»¹.

В последующем на рубеже 80 — 90-х гг. XX в. новый лидер «Аль-Джихада» Аббуд аз-Зумр насытил идеологическую доктрину организации новыми концепциями. Помимо него, еще одним плодотворным автором движения выступил Тарик аз-Зумр. Особенности трактовки ими концепции джихада практически не отличаются от идей А.Фараджа. Так, по мнению Аббуда аз-Зумра, джихад есть фард айн — то есть индивидуальная обязанность каждого мусульманина, который должен участвовать в нем по мере своих сил и возможностей². Другой теоретик исламизма Тарик аз-Зумр считал, что высшее проявление из всех форм джихада — это вооруженная борьба. Он резко критиковал тех лидеров из числа исламских радикалов, которые ограничиваются только идейной борьбой³. Более того, джихад в таком случае имеет наступательный характер, и необязательно, чтобы неверные инициировали нападение первыми, «достаточно, чтобы они всего лишь имели признаки тех людей, с которыми надлежит воевать»⁴.

Следует также отметить, что «Аль-Джихад» отверг тактику постепенной «исламизации снизу». Такая стратегия основывается на изменении общества посредством осуществления т.н. «исламского призыва». Однако «Аль-Джихад» считает, что общество трудно изменить, пока оно будет находиться под властью режима неверных, способного применять и использовать разнообразные методы, препятствующие мирной исламизации. По мнению идеологов организации, стратегия «исламизации снизу» демонстрирует свою ограниченность в деятельности «Братьев-мусульман» и салафитских джамаатов. Первые замыкаются рамками интеллигенции и отрываются от масс, вторые практически утратили чувство реальности. Более того, для «Аль-Джихада» неприемлемо какое-либо участие в парламентской деятельности: это означало бы признание того, что источником законов может быть не Аллах, а его творения — люди⁵.

В конце 80-х годов Усама Бен-Ладен вместе с Айманом аз-Завахири создали «Аль-Каиду» в Афганистане, определив свою стратегию и ключевые цели

¹ Либлер Изи. Где найти умеренного исламиста? // Эхо (русскоязычная еженедельная газета, Израиль). — 2011. — 7 марта.

² Ерасов Б. Культура, религия и цивилизация на Востоке. — М., 1990. — С. 73.

³ Там же. — С. 147-148.

⁴ Ruthven M. Islam in the World. — N.Y., Oxford, 1984. — P. 308.

⁵ Ражбадинов М.З. Радикальный исламизм в Египте. — М., 2003. — С. 88-89.

на перспективу. Согласно салафитской идеологии, которую проповедует эта структура, главный удар должен быть направлен против режимов в мусульманских и, прежде всего, арабских странах. Эти режимы рассматриваются как искусственные, противоречащие исламским нормам, представляющие собой орудие Запада по контролю над мусульманским миром. Они были противны «букве и духу Корана» и препятствовали мусульманам в создании «подлинно мусульманского общества». Ближневосточные режимы, утверждали салафиты, были результатом колониальной политики западных держав, которые произвольно разделили арабский мир границами и создали марионеточные правительства. Это, в свою очередь, привело к национализму, взаимным конфликтам и возвышению светской идеологии, не имеющей никакого отношения к принципам подлинно исламского правления. Все это ослабляло арабский мир и не позволяло ему объединить свои силы против истинного врага, коим является западная цивилизация, утверждал влиятельный представитель и наставник Бен-Ладена палестинец Абдалла Азам¹.

Исходя из своего мировоззрения, «джихадисты» стремились свергнуть «искусственные марионеточные режимы» в Египте, Ливии, Саудовской Аравии и других странах региона и создать на их месте единое исламское государство — халифат, основанный исключительно на предписаниях Корана и других священных арабских текстов. С момента создания «Аль-Каиды», ее региональные ответвления и родственные группировки прилагали отчаянные усилия для достижения цели, мобилизуя боевиков для «джихада», распространяя идеологию и осуществляя дерзкие вылазки, однако до последнего времени все попытки расшатать и свергнуть арабские режимы терпели фиаско.

Отсюда неизбежно следует мысль о том, что практически невозможно победить «врага ближнего», не нанеся мощные удары по «врагу дальнему». Тем не менее, в своей фетве «Изгоняйте неверных с Аравийского полуострова», объявленной Усамой Бен Ладеном 8 августа 1996 г., лидер «Аль-Каиды» отстаивает понятие оборонительного джихада для изгнания неверных из мусульманских стран. Однако уже 18 февраля 1998 г. в фетве Мирового Исламского Фронта, объявившей «джихад против евреев и крестоносцев», Бен Ладен расширил свое прежнее понимание джихада, от оборонительного до наступательного. Мировой салафитский джихад теперь ведет борьбу с «врагом дальним» (Соединенные Штаты и Запад в целом) на его территории или в третьих странах. Оправданием для этого нового типа джихада служило то, что «оккупация» Соединенными Штатами Америки Саудовской Аравии, поддержка Израиля и убийства иракских детей были «открытым объявлением войны Аллаху, его Посланнику, и мусульманам». В фетве постулируется: «Постановление убивать американцев и их со-

¹ Лапин Яков. «Аль-Каида»: провал или «окно возможностей»? // THE JERUSALEM POST. — 2011. — 10 марта.

юзников — гражданских и военных — это личная обязанность для каждого мусульманина, который может исполнить ее в любой стране, в которой это можно сделать... Мы — с помощью Аллаха — призываем каждого мусульманина, кто верит в Аллаха и желает награды за выполнение приказов Аллаха, убивать американцев и расхищать их богатства, где и когда они найдут их. Мы также призываем мусульманских улемов, лидеров, молодежь и солдат совершать нападения на американские войска Сатаны и союзных с ними сторонников Дьявола и отстранять тех, кто укрывается за ними, дабы они смогли извлечь урок»¹.

К концу 90-х гг. новые идеи выдвинул один из лидеров зарубежного руководства «Аль_Джихада» — Айман аз-Завахири, главный идеолог «Аль-Каиды» и «Мирового фронта джихада», в июне 2011 г., после уничтожения Усамы бен-Ладена, ставший лидером «Аль-Каиды». Прежде всего, он обосновал идею глобального джихада, в первую очередь, с «дальним врагом» — альянсом мирового куфра. Под ним он подразумевает, прежде всего, страны Запада, в первую очередь США и Израиль; теперь же в этот список попала и Россия, примкнувшая, по мнению исламистов, к этому союзу. А. аз-Завахири пишет: «Не следует считать, что борьба за создание исламского государства является региональной войной. Альянс крестоносцев и сионистов, возглавляемый США, не позволит мусульманским силам прийти к власти в какой-либо из мусульманских стран. Надо готовиться к тому, что эта борьба не ограничится рамками одного региона, она будет вестись как против внутреннего врага — вероотступников, так и против внешнего — альянса крестоносцев и сионистов»². По его мнению, джихад с «дальним врагом» нельзя откладывать, поскольку альянс евреев и крестоносцев не дает ни времени, ни шансов нанести поражение «внутреннему врагу». Поэтому А. аз-Завахири предложил перенести войну за пределы исламского мира на территорию врага. В частности, он высказывался за то, чтобы вывести успешный джихад за освобождение мусульман из пределов Афганистана и Чечни и перенести его с окраин исламского мира в его самое сердце³.

В преддверии ударов террористов по целям в Америке 11 сентября 2001 г. в своей программной книге «Рыцари под знаменами Пророка» А. аз-Завахири объявил, что новый джихад является борьбой между исламом и враждебными мировыми силами: западными державами и Россией, использующими «набор средств», включая «1. Организацию Объединенных наций. 2. Дружественные правители мусульманских народов. 3. Транснациональные корпорации. 4. Международные коммуникации и системы обмена данных. 5. Международные информационные агентства и спутниковые информационные каналы. 6. Международные организации помощи, которые используются как прикрытие для шпионажа,

¹ Цит. по: Сейджман М. Указ соч. — С. 27-28.

² Там же. — С. 89.

³ Enayat H. Modern Islamic Political Thought. — Austin, 1982. — P. 84.

прозелитизма, подготовки переворотов и перевозки оружия». Противостояла этому врагу новая исламистская фундаменталистская коалиция, состоящая из джихадистских движений в различных землях Ислама: «Она представляет собой растущую силу, которая собирается под знаменами джихада во имя Бога и действует за рамками нового мирового порядка». Аз-Завахири описывал ситуацию как новый феномен молодых моджахедов, которые «оставили свои семьи, страны, богатства, учебу и работу в поисках полей брани джихада во имя Господа». По его мнению, не существует никакого решения возникших проблем без джихада. Предательство мирного алжирского фундаменталистского движения показало бессмысленность «всех других методов, которые пытались избежать принятия бремени джихада»¹.

Аз-Завахири объявил, что джихад должен продемонстрировать измену мусульманских правителей и их апологетов, которая вытекает из-за отсутствия у них веры и их поддержки неверных против мусульман. Поэтому исламистское движение должно установить исламское государство в центре мусульманского мира, из которого впоследствии вступит в бой за восстановление халифата, основанного на традициях пророка. «Если успешные операции против врагов ислама и серьезный урон, нанесенный ими, не послужат достижению конечной цели создания мусульманской нации в сердце исламского мира, — доказывал он, — независимо от их масштабов они будут не более чем нарушением порядка, который можно вынести и стерпеть, даже если они продлятся некоторое время и принесут определенные потери»².

Для достижения успеха аз-Завахири требовал от единомышленников сблизиться с массами простых мусульман, быть среди них или слегка впереди, а не изолированными от них. Для этого «движение джихада должно посвятить деятельность одного из своих крыльев работе с массами, проповедям, создать службы поддержки мусульман, разделять их заботы всеми возможными для благотворительности и образовательной работы путями; ни одну из сфер жизни мы не должны оставить неохваченной»³.

Для эффективной мобилизации массам нужно руководство, которому они могут доверять, понимать и следовать; ясный враг, по которому нужно нанести удар, и избавление от цепей страха и слабости в их душах. Аз-Завахири так описывает основную цель движения исламского джихада, невзирая на жертвы и время, которые она потребует: «Освобождение мусульманской нации, противостояние врагам ислама и начало джихада против них требуют мусульманской власти, установленной на мусульманской земле, которая поднимет знамя джихада и соберет под

¹ Al-Zawahiri A. Knights Under the Prophet's Banner. Serialized in eleven parts in Al-Sharq al-Awsat (London). — 2001. — July 4. Part 11.

² Ibid.

³ Ibid.

ним мусульман. Без достижения этой цели наши действия будут не более чем простыми и повторяющимися беспорядками, которые не приведут к желаемой цели, а именно восстановлению халифата и изгнанию захватчиков с земли Ислама»¹.

После терактов в Америке и начала антитеррористической операции А. аз-Завахири в своей книге «Аль-Валайя ва-ль-бараа» подчеркнул, что ныне каждый мусульманин должен руками, языком или хотя бы в помыслах оказывать противодействие оккупантам. В книге он обнародовал своеобразную фетву, в которой говорится о том, что мусульманину запрещено сближаться с кафирами, следует хранить в тайне любые секреты мусульман. Запрещено вести какие-либо дела с кафирами. Запрещено воспринимать какие-либо теории и идеи безбожников. Запрещено помогать кафирам в их войне с мусульманами и как-то оправдывать крестоносцев. Мусульманам предписано вести джихад с безбожными агрессорами, отступниками и лицемерами (под двумя последними подразумеваются арабские режимы, предоставившие свою территорию для антитеррористической кампании, а также улемы, издающие лживые фетвы, купленные властями)².

В свою очередь, уничтоженный в июне 2006 г. в Ираке лидер местной ячейки «Аль-Каиды», иорданский террорист Абу Мусаба аз-Заркави в своей лекции, размещенной на многих сайтах³, под заголовком «Вы больше знаете или Аллах?» заявил, что «джихад есть обязательная война против неверных». Термин «гражданское население», утверждал аз-Заркави, является «ложным», поскольку ислам не делит людей на гражданских и военных: он знает лишь разделение людей на мусульман и неверных. И если «кровь мусульманина запретна, чтобы он ни делал и где бы ни находился», то «кровь неверного дозволена, чтобы он ни делал и где бы ни находился, если с ним не заключен договор или он не был пощажен».

Аз-Заркави делит людей на три разряда: 1. мусульмане; 2. неверные, мирно относящиеся к исламу, т.е. вошедшие под покровительство (зимма) мусульман, заключившие с ними перемирие (худна) или пользующиеся предоставленной им пощадой (аман); 3. все прочие люди. Последних аз-Заркави объявляет «воюющей стороной»: шариат, напоминает он, лишает их защиты и дает мусульманам право убивать их, делая исключение лишь для отдельных категорий (в первую очередь, детей и женщин). На этом основании, считает аз-Заркави, «неверие в Аллаха — достаточное основание для убийства неверного, чтобы он ни делал и где бы ни находился».

Таким образом, усилиями зарубежных, прежде всего египетских исламистских теоретиков, к началу XXI века сложилась стройная идеологическая доктрина такфиритов-джихадистов, являющаяся идеологическим обоснованием современного терроризма, прикрывающегося исламским вероучением, а также

¹ Ibid.

² Ражбадинов М.З. Указ. соч. — С. 91-92.

³ См., например: <http://www.short-link.de/2054>.

оправданием жестокой политической практики радикальных исламистов и террористов.

Что касается современного Северного Кавказа, то, несомненно, на адептов северокавказского терроризма огромное влияние оказывали и продолжают оказывать ультрарадикальные идеи зарубежных исламистских радикалов, где путь вооруженного противодействия и диверсий — по версии радикалов — джихада, был началом и завершением всякой борьбы с «системой куфра» (неверия) и их «пособниками» из числа т.н. «отступников» («муртадун») и «лицемеров» («мунафикун»). Под первыми понимаются этнические мусульмане, чаще всего, сотрудники силовых структур, поэтому против них и направлено, в первую очередь, острие терроризма; под вторыми — представители официального ислама.

Идеолог и практик ультра-радикального крыла дагестано-чеченской салафийи Багауддин Мухаммад выделяет три вида или типа взаимоотношений «кафиров» и мусульман. Первый тип — это *Ахль аль-Зимми* — «неверные», которые проживают среди мусульман и подчиняются исламскому порядку: то есть заключают договор, живут на договорных началах — отсюда *зимма* с араб. «договор». За обеспечение безопасности и условий для добычи пропитания зиммии — «договорники», платят подушный налог (*джизью*), который освобождает их от воинской повинности и позволяет пользоваться минимумом благ данного региона-государства. Второй тип взаимоотношения мусульман с немусульманами — это «*муадис*»: «неверные», находясь на своей территории, заключают некое подобие пакта о ненападении. «Третий тип кафира, — продолжает Багауддин, — «*харби*», находящийся у тебя на земле и между нами военное положение. Тогда другое дело, если речь идет о тех русских войсках, находящихся на нашей земле; приехавших сюда, чтобы навязать свои порядки; охраняющих здесь законы московских правителей. Мы этих людей будем изгонять из нашей земли, и убивать на месте, и это до тех пор, пока они не уйдут с нашей земли, или же приняв ислам, не перейдут на нашу сторону — это для них самый лучший вариант. Я бы сказал всем этим русским войскам: пока для них не наступила смерть, пусть они полностью переходят на нашу сторону и если они, при этом, примут ислам, то они станут нашими братьями и будут жить среди нас, деля с нами горе и радость и мы будем их кормить тем же, что и сами едим. Они станут братьями и будут защищены нами, ибо они будут находиться под защитой Аллаха. Если же они этого не сделают, то пусть они отсюда убираются или мы их *ИншаАллах*, выгоним. Вот такое положение должно быть, когда речь идет о русских, именно выгонять и бороться с теми из них, кто пришел на нашу землю утверждать свои законы»¹.

В последующем на Северном Кавказе появились и другие идеологи радикального исламизма, среди которых можно назвать дагестанца Абузагира Мантаева,

¹ Пятничная проповедь Б.Мухаммеда в исламском институте «Кавказ» // Аль-КАФ. — 1998. — № 6.

кабардинца Анзора Астемирова, бурята Саида Бурятского и некоторых других. Характерно, что все они, будучи активными членами террористического банд-подполья, были уничтожены в ходе боестолкновений с сотрудниками правоохранительных структур, не сумев вырасти в авторитетных идеологов даже регионального масштаба.

Тем не менее, вследствие и их усилий, современные чеченские войны, особенно вторая, привнесли в регион самые последние идеологические наработки зарубежных исламских экстремистов, стали кузницей наиболее идеологически подготовленных и непримиримо настроенных по отношению к России исламистов. Сепаратистски ориентированные носители исламистской идеологии продолжают привлекать в свои ряды молодых боевиков практически во всех республиках Северного Кавказа. Например, в 90-е гг. начала оформляться идеология движения «молодых мусульман» в Кабардино-Балкарии, в основу которой была положена идея активизации и частичной модернизации исламской жизни в республике. Методами формирования этой идеологии стали организация системы исламского образования, пропаганда своих взглядов в общеобразовательных и спортивных школах; формирование контингента грамотных проповедников, способных произносить пятничные хутбы, во время которых подробно разъясняются основные постулаты идеологии современного исламизма и т. д. Ведущими распространителями идеологии радикального фундаментализма в республике стали выпускники саудовских исламских институтов Мусса Мукожев и Анзор Астемиров, ставшие организаторами известных событий, имевших место 13-14 октября 2005 г. в Нальчике.

Например, бывший «кадий Имарата Кавказ, амир объединенного вилайята Кабарды, Балкарии и Карачая Сайфуллах» (он же — Анзор Астемиров) предоставил ответы на вопросы корреспондента одного из исламистских сайтов, из которых четко прослеживаются его идеологические приоритеты. В частности, он обвиняет северокавказских мусульман в язычестве, подчеркивая, что «в нашем обществе главной и доминирующей является такая форма язычества как служение России с ее конституцией и ее законами», отмечая далее, что «практикуются такие языческие обряды и ритуалы, как присяга на верность России (в армии, милиции, политических партиях и т.п.), клятва уважать конституцию при получении паспорта, возложение венков к могилам «героев России», которые убивали мусульман в Афганистане и на Кавказе и т. д. Также широко распространены такие языческие традиции, как участие в выборах депутатов парламента. Так что язычество это не только поклонение камням и деревьям. ... Поэтому мы считаем своей первоочередной задачей борьбу против этой формы язычества, как самой опасной для общества ...». Обвинив мусульман, прежде всего сотрудников правоохранительных органов, в такого рода «язычестве», «кадий Сайфуллах» практически дал санкцию на их убийства, тем более что, по его мнению,

«... со временем, под влиянием российской пропаганды, большинство из них заняли твердую антиисламскую позицию»¹.

Таким образом, в ходе второй чеченской кампании, особенно со второй половины 2005 г. в экстремистском подполье, как активные участники террористических групп, появились молодые представители северокавказской мусульманской интеллигенции: студенты, аспиранты, ученые и т. д. Например, один из уничтоженных 9 октября 2005 г. в Махачкале боевиков т.н. джамаата «Шариат» — Абузагир Мантаев — в 2002 г. в Москве защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему «Ваххабизм и политическая ситуация в Дагестане». Некоторое время он работал в Духовном управлении мусульман Европейской части России. В 2005 г. возвратился в Дагестан и вошел в ряды террористов «Шариата». И таких примеров по республикам Северного Кавказа немало, среди идеологов и одновременно практиков «джихадизма» уже назывались М.Мукожев, А.Астемиров, С.Бурятский и др.

Вместе с тем, после уничтожения этих и других «идеологов» северокавказского терроризма, наблюдается явный недостаток такого рода кадров в составе бандподполья, в этой связи ведется усиленный поиск новых фигурантов и одновременно наблюдается вынужденный переход на «идеологические суррогаты». Об этом, в частности, свидетельствует интервью некоего «амира Баксанского района вилайята Кабардино-Балкарии Имарата Кавказ» Ташу Казбека. В своем многословии, далеком от доказательной базы салафитов, ссылающихся на сакральные источники мусульманства, этот «моджахед», безо всяких обиняков, ретранслирует пропагандистские клише безвременно ушедших из жизни сотоварищей: «... Наши враги совершают куда более гнусное преступление — они поклоняются идолам, которые наделили себя правом издавать законы, противоречащие Закону Аллаха! А обожествление кого-то или чего-то наряду с Аллахом — самый тяжкий грех. И главная причина, которая побудила нас взять в руки оружие — это защита религии от язычников и возвышение слова Аллаха. ... Работа по уничтожению бесппаевых и других подобных выродков будет проводиться планомерно и методично»².

Имеющиеся в нашем распоряжении примеры свидетельствуют, что в последние годы в террористическом движении региона произошла смена поколений: в войну вступило новое, молодое поколение северокавказских этносов, зараженное вирусом русофобии и сепаратизма, а потому более ожесточенное и дерзкое, нежели их предшественники. Определенная их часть готова к вооруженной борьбе с властями во всех ее формах. Однако следует согласиться с московским исламоведом Д.В.Макаровым, который еще в 2000-м году сделал правильный вывод о том, что лидеры российского исламизма до сих пор пока еще «не создали

¹ Личный архив автора.

² Личный архив автора.

ни одного оригинального произведения, которое позволило бы говорить о появлении...» у них «... собственной политической идеологии, соответствующей современным... реалиям. Общие рассуждения о необходимости введения шариата... не смогли компенсировать отсутствие социально-политической программы у этого движения...»¹. Этот вывод продолжает оставаться актуальным и в настоящее время.

Таким образом, идеология современного джихадистского движения, базируясь на постулатах, выдвинутых в свое время Ибн Ханбалой, Таки ад-Дином ибн Таймийей, М. Ибн Абд аль-Ваххабом и другими радикалами минувших эпох, ведет свое происхождение из Египта, так как ее главными вдохновителями были С.Кутб, М.Шукри, М.Фарадж, А. аз-Завахири и др. Она ясно проповедует идею ненависти к немусульманским, прежде всего, к западным ценностям, таким, как индивидуализм, социальный плюрализм, верховенство светского законодательства над религиозным правом, отделение религии от политики и т. д. Ее призыв основывается на очевидной простоте, доступности и непротиворечивости идеологических аргументаций, четком определении «врагов ислама» и необходимости ведения против них «джихада». Все это находит отклик и понимание в среде молодых мусульман, как правило, маргиналов, не слишком образованных в традиционном мусульманском вероучении, которое они к тому же отвергают.

В этой связи не следует забывать, что в зарубежных средних и высших мусульманских учебных заведениях, в том числе и исламистского толка, продолжают учиться сотни, а может быть, и тысячи молодых северокавказцев. На родине их с нетерпением ждут те, кто делает ставку на дальнейшее развитие идеологической составляющей «джихада», и порой не без оснований.

Краткий обзор этапов развития современной идеологической доктрины радикальных исламистов в мире и, в частности, на Северном Кавказе со всей очевидностью свидетельствует о привнесении на территорию регионов России практически всех идеологических постулатов радикального исламизма, об экзотичности идеологического фактора в деятельности северокавказского бандподполья.

¹ Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. — М., 2000. — С. 48.